

Глава 3. Месяцы тишины и слез

За несколько месяцев до начала летних каникул Шэнь Цзиньхань случайно увидел то, чего раньше никогда не видел.

Няня Чжан плакала.

Это произошло вечером, когда он возвращался из библиотеки в свою комнату. В боковом коридоре, где обычно было тихо и пахло свежими цветами из сада, он заметил госпожу Чжан, сидевшую на скамье у окна. Она сидела совершенно спокойно, выпрямив спину и сложив руки на коленях, словно ничего особенного не происходило. Лицо ее оставалось почти неподвижным, только по щекам медленно катились слезы. Рядом на столике стояла нетронутая чашка уже остывшего чая.

Шэнь Цзиньхань замер.

Он редко видел ее такой.

Няня Чжан всегда была собранной, строгой, внимательной. Даже когда уставала, она продолжала улыбаться и говорить спокойным голосом. Но сейчас она выглядела так, словно внутри у нее что-то тихо надломилось, хотя внешне она по-прежнему держалась ровно.

Когда она заметила его, то поспешно вытерла слезы и попыталась улыбнуться.

— Молодой господин, вы уже закончили читать?

Он не ответил сразу.

Сначала просто посмотрел на нее своими большими зелеными глазами, а потом тихо спросил:

— Что случилось?

Женщина на мгновение отвела взгляд.

Она явно не хотела говорить, но Шэнь Цзиньхань уже понял, что дело серьезное. После короткой паузы госпожа Чжан все же призналась, что ее муж, Лю Гоцян, получил травму во время службы. Врачи сказали, что он больше не сможет оставаться в армии.

Для нее это было тяжелым ударом.

Лю Гоцян служил много лет. Армия была не просто работой — это была вся его жизнь. А

теперь ему предстояло уйти.

Няня Чжан говорила тихо, стараясь держаться, но голос все равно дрожал.

— Он всегда хотел служить до конца... — прошептала она. — А теперь...

Она не договорила.

Шень Цзиньхань немного помолчал.

Он редко торопился с ответом, особенно когда речь шла о чем-то важном. Мальчик опустил взгляд, словно обдумывая услышанное, а затем спокойно сказал:

— Мне нужен новый охранник.

Госпожа Чжан подняла голову и растерянно посмотрела на него.

— Что?

— Если дядя Лю больше не сможет служить в армии, пусть приходит сюда, — произнес Шень Цзиньхань так же ровно, как говорил о книгах или уроках. — Мне нужен человек, который будет меня охранять.

Няня Чжан на мгновение даже забыла о слезах.

— Молодой господин...

— Он хороший человек, — добавил мальчик после короткой паузы. — И сильный. Он подойдет.

Женщина долго смотрела на него, не в силах сразу подобрать слова.

Она ожидала сочувствия, возможно, нескольких вежливых фраз. Но не этого. Не такого простого и одновременно такого точного решения.

На десятый день после разговора, Лю Гоцян действительно пришел на виллу.

Он был немногословен, держался прямо, как человек, привыкший к дисциплине, и быстро стал одним из самых надежных людей в доме. Позже именно он будет сидеть у больничной кровати, не отходя от мальчика ни на шаг. Но тогда, в тот вечер, госпожа Чжан впервые поняла, что ее молодой господин умеет заботиться о людях по-своему — тихо, без лишних слов, но очень

точно.

Именно после этого случая она еще сильнее привязалась к нему.

Потому что поняла: этот ребенок замечает чужую боль раньше, чем многие взрослые.

Лето наступило незаметно.

После окончания пятого класса Шэнь Цзиньхань наконец получил долгожданные каникулы.

В отличие от большинства детей его возраста, он не строил грандиозных планов на отдых. Не мечтал о путешествиях, не просил новые игрушки или игровые приставки.

Ему вполне хватало собственной библиотеки.

К этому времени одна из комнат виллы уже давно превратилась в настоящее книжное царство.

Стеллажи от пола до потолка.

Тысячи книг.

История.

Наука.

Философия.

Биографии.

Романы.

Фантастика.

Детективы.

Некоторые книги были настолько сложными, что даже многие взрослые не смогли бы прочитать их полностью.

Но Шэнь Цзиньхань читал все подряд.

Спокойно.

Методично.

Без спешки.

Даже если не понимал, он просто брал на заметку, и запоминал. Когда-нибудь, в будущем, он со всем разберётся.

За последние годы его здоровье даже начало понемногу улучшаться.

Болел он по-прежнему чаще обычных детей.

Однако приступы стали реже.

Температура больше не поднималась каждую неделю.

Врачи осторожно говорили о положительной динамике.

Госпожа Чжан впервые за долгое время начала понемногу расслабляться.

Казалось, самые тяжелые годы остались позади.

Даже Лю Гоцян, который после травмы покинул армию и уже несколько месяцев работал охранником на вилле, но который много знал от своей жены, начал иногда шутить:

— Молодой господин наконец решил перестать пугать врачей.

Шень Цзиньхань тогда спокойно ответил:

— Я не специально.

После чего продолжил читать книгу.

Все рассмеялись.

Никто не знал, насколько жестоко ошибается.

Через неделю после начала каникул все изменилось.

Сначала появилась обычная слабость.

Затем температура.

Потом головная боль.

Ничего нового.

Подобное уже случалось десятки раз.

Поэтому никто особенно не паниковал.

Вызвали врача.

Начали лечение.

Уложили мальчика отдыхать.

Однако уже к вечеру ситуация резко ухудшилась.

Температура не сбивалась.

Давление падало.

Сознание становилось все более спутанным.

К ночи врачи настояли на срочной госпитализации.

Шень Цзиньханя немедленно перевезли в лучшую частную больницу города.

Там начались обследования.

Анализы.

Консилиумы.

Новые лекарства.

Но болезнь словно игнорировала все попытки врачей.

На третий день мальчик впал в кому.

Когда доктор сообщил эту новость, госпожа Чжан долго смотрела на него.

Словно не понимала смысла сказанных слов.

— Что значит кома?

Врач тяжело вздохнул.

Он уже не первый раз разговаривал с родственниками тяжелых пациентов.

Но подобные разговоры никогда не становились легче.

— Его организм находится в крайне ослабленном состоянии.

— Он проснется?

Несколько секунд мужчина молчал.

— Мы надеемся.

Эти слова окончательно разрушили остатки ее спокойствия.

В тот день женщина впервые за много лет заплакала.

Не тихо.

Не украдкой.

А по-настоящему.

Как мать, потерявшая почву под ногами.

С того дня палата никогда не оставалась пустой.

Ни днем, ни ночью.

Возле кровати постоянно кто-то находился.

Если уходила госпожа Чжан — приходил Лю Гоцян.

Если уходил Лю Гоцян — приходил другой охранник.

Если сменялся охранник — рядом оставалась одна из служанок.

Потом возвращалась госпожа Чжан.

И так по кругу.

День за днем.

Неделя за неделей.

Врачи не раз говорили им:

— Он ничего не слышит.

— Вам нужно отдыхать.

— Не стоит сидеть здесь круглосуточно.

Но никто не слушал.

Потому что для них это был не просто работодатель.

Не просто молодой господин.

И уж тем более не источник зарплаты.

Они растили его.

Учили.

Лечили.

Кормили.

Провожали в школу.

Праздновали дни рождения.

Переживали болезни.

Для большинства работников виллы Шэнь Цзиньхань давно стал семьей.

И теперь эта семья лежала неподвижно на больничной кровати.

Подключенная к аппаратам.

Слишком бледная.

Слишком хрупкая.

Слишком тихая.

Шли дни.

Потом недели.

Состояние оставалось прежним.

Иногда показатели немного улучшались.

Иногда снова ухудшались.

Но сознание так и не возвращалось.

Однажды ночью в палате находился Лю Гоцян.

Бывший солдат сидел возле окна и молча смотрел на спящего мальчика.

Он редко показывал эмоции.

Армия научила его держать себя в руках.

Однако в ту ночь мужчина не выдержал.

Он поднялся со стула.

Подошел к кровати.

Посмотрел на бледное лицо ребенка.

И неожиданно опустил голову.

— Маленький господин...

Голос предательски дрогнул.

— Ты ведь должен был вырасти.

Тишина.

Только равномерный писк приборов.

— Я хотел увидеть, как ты станешь взрослым.

Мужчина сжал кулаки.

— Хотел увидеть, как ты поступишь в университет.

Потом — как выберешь себе дело.

Потом — как создашь собственную семью.

Он резко замолчал.

Потому что голос сорвался окончательно.

В армии Лю видел смерть.

Много раз.

Но никогда не думал, что будет настолько беспомощным рядом с одним единственным ребенком.

Госпожа Чжан держалась дольше всех.

Почти месяц.

Она продолжала руководить виллой.

Следила за работой персонала.

Разговаривала с врачами.

Улыбалась людям.

Говорила, что все будет хорошо.

Пока однажды ночью не осталась в палате одна.

Тогда женщина просто взяла холодную ладонь мальчика в свои руки.

И заплакала.

Тихо.

Беззвучно.

Склонив голову возле кровати.

— Цзиньхань...

Впервые за много лет она назвала его просто по имени.

Без титулов.

Без формальностей.

Как собственного сына.

— Пожалуйста...

Слезы капали на белое больничное одеяло.

— Пожалуйста, проснись...

— Я больше не буду заставлять тебя ходить на аттракционы...

— Не буду заставлять фотографироваться...

— Не буду ругать за книги...

— Только проснись...

Но ответом ей была лишь тишина.

Прошел почти месяц.

Врачи начали осторожно готовить персонал к худшему.

Никто не говорил этого прямо.

Но все понимали.

Шансы уменьшаются.

С каждой неделей.

С каждым днем.

С каждым часом.

В один из вечеров случилось то, чего никто не ожидал.

Была поздняя ночь.

За окнами шел дождь.

Капли мерно стучали по стеклу.

В палате находились только двое.

Госпожа Чжан.

И Лю Гоцян.

Они негромко обсуждали очередной разговор с врачами.

Оба выглядели измученными.

За последний месяц они почти не отдыхали.

Именно поэтому сначала никто не понял источник нового звука.

Писк.

Резкий.

Непрерывный.

Совсем не похожий на обычные сигналы оборудования.

Оба машинально повернули головы.

И замерли.

На мониторе была ровная линия.

Прямая.

Без единого колебания.

Без единого удара.

Без жизни.

Несколько секунд никто не двигался.

Разум просто отказывался понимать увиденное.

Будто время остановилось.

Потом госпожа Чжан резко побледнела.

— Нет...

Едва слышно прошептала она.

— Нет...

Лю Гоцянь очнулся первым.

Военная подготовка сработала раньше эмоций.

Он буквально бросился к стене.

Ударил ладонью по кнопке экстренного вызова.

По коридору немедленно разнесся тревожный сигнал.

Через секунды началась суета.

Послышались шаги.

Крики.

Открывающиеся двери.

В палату ворвались врачи.

Медсестры.

Реаниматологи.

Кого-то оттеснили в сторону.

Кто-то начал массаж сердца.

Кто-то готовил дефибриллятор.

Госпожа Чжан стояла возле стены.

Не в силах пошевелиться.

Перед глазами все расплывалось.

Она видела только одно.

Неподвижное тело мальчика.

Которого растила неполных восемь лет.

И который сейчас мог навсегда исчезнуть из ее жизни.

— Заряд!

— Отойти!

Тело вздрогнуло.

Писк.

Тишина.

— Еще раз!

Новый разряд.

Новый удар.

Новая попытка.

Секунды казались вечностью.

Потом на мониторе вдруг появилась первая линия.

Один удар.

Затем второй.

Третий.

Неровный.

Слабый.

Но настоящий.

Сердце снова начало биться.

В палате воцарилась тяжелая тишина.

Врачи продолжали работать.

Но госпожа Чжан уже не слышала их слов.

Она медленно опустилась на стул.

Закрыла лицо руками.

И впервые за весь этот месяц позволила себе разрыдаться по-настоящему.

Потому что только сейчас осознала, насколько близко они были к тому, чтобы потерять его навсегда.

И никто из присутствующих еще не знал, что через двое суток Шэнь Цзиньхань наконец откроет глаза.

После месяца тьмы.

После месяца неизвестности.

После месяца борьбы между жизнью и смертью.

Он проснулся не сразу.

Сначала это было лишь едва заметное движение ресниц.

Потом слабый, почти неуловимый вдох.

Потом медленное, тяжелое открытие глаз.

Мир встретил его размытым светом больничной палаты, тихим писком приборов и чужими голосами, которые он слышал будто сквозь воду.

Он не сразу понял, где находится.

Не сразу вспомнил, что произошло.

И даже собственное тело казалось ему чем-то чужим.

Слишком тяжелым.

Слишком неподвижным.

Слишком далеким.

Когда госпожа Чжан первой заметила, что он пришел в сознание, она не смогла сдержать крик и тут же позвала врачей.

Лю Гоцян, стоявший у двери, на мгновение просто закрыл глаза, словно боялся, что это окажется сном.

Но это был не сон.

Шень Цзиньхань действительно вернулся.

Однако радость длилась недолго.

Почти сразу стало ясно, что после столь долгой комы его тело почти не слушается.

Он не мог нормально поднять руку.

Не мог самостоятельно повернуть голову.

Не мог удержать равновесие даже в сидячем положении.

Слова давались с трудом.

Каждое движение требовало усилия, будто он заново учился жить в собственном теле.

И начался новый, еще более долгий этап.

Почти месяц он заново учился управлять собой.

Сначала — просто шевелить пальцами.

Потом — сгибать руку.

Потом — садиться с помощью медсестры.

Потом — делать несколько шагов, держась за поручень и сжимая зубы от слабости.

Иногда он уставал так быстро, что после нескольких минут упражнений снова засыпал прямо в кресле.

Иногда злился.

Иногда молчал.

Иногда смотрел на свои руки так, словно не понимал, почему они больше не слушаются его так же легко, как раньше.

Но госпожа Чжан и Лю Гоцян не отходили от него.

Они поддерживали его.

Подбадривали.

Терпеливо ждали.

И каждый новый, пусть даже самый маленький успех встречали так, словно он совершил невозможное.

Потому что для них это и было невозможным чудом.

Шэнь Цзиньхань вернулся.

И теперь ему предстояло снова научиться жить.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17887/1721755>